

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15522

EDN: FGSFQD

Концепт «путь-дорога» в русских свадебных приговорах

Ю. А. Крашенинникова

*Коми научный центр Уральского отделения,
Российская академия наук
(г. Сыктывкар, Российская Федерация)*

e-mail: krashennikova@rambler.ru

Аннотация. В статье проанализирован концепт «путь-дорога» в русских свадебных приговорах. В работе использованы опубликованные и архивные материалы XIX — конца XX в., в которых нашли поэтическое воплощение представления о дороге и передвижении участников свадьбы. В содержании приговоров отражено отношение к дороге, характерное для русской традиционной культуры в целом, восприятие дороги как локуса опасного, страшного, нечистого. Путь-дорога свадебного поезда трактуется приговорами как путешествие в иной мир. Как правило, описание дороги строится при сочетании формулы движения и перечня пространственных объектов, которые распределяются на несколько семантико-тематических групп (лесная, горная, болотная, водная, космологическая, группы элементов растительного и животного миров, также группы элементов со значением ‘обширное, бесконечное, необозримое пространство’ и со значением ‘населенные пункты, освоенное, обжитое пространство’). В мифопоэтических представлениях эти ландшафтные элементы, по большей части, маркируют чужое, опасное пространство; в текстах они употребляются с эпитетами, формирующими его качественную характеристику (частотные: крутой, высокий, темный, дремучий, топучий, долгий, чистый). Идея опасности усиливается за счет включения в описание элементов растительного и животного миров, придающих повествованию дополнительную выразительность и эмоциональность. Нахождение в пространстве дороги связано с опасностью для поезжан и представлено как испытание; в поэтических текстах обычно это ухудшение физического состояния, получение материального ущерба (реализуются темы замерзания или гипертермии, потери голоса, испытания голодом, разорванной одежды и потерянных нательных крестов). В анализируемых описаниях соединены представления о дороге как опасном, нечистом, полном рисков локусе и представления о той части жизненного пути персонажей ритуала, которая связана с процессом смены ими статуса.

Ключевые слова: русский свадебный обряд, свадебный приговор, фольклорная картина мира, путь, дорога

Благодарность. Работа выполнена в рамках плановой темы НИР (пер. № 121051400044-2).

Для цитирования: Крашенинникова Ю. А. Концепт «путь-дорога» в русских свадебных приговорах // Проблемы исторической поэтики. 2025. Т. 23. № 3. С. 7–34. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15522. EDN: FGSFQD

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2025.15522

EDN: FGSFQD

The Concept of “Path-Road” in Russian Wedding Speeches

Yulia A. Krasheninnikova

*Komi Science Centre of Ural Division,
Russian Academy of Sciences
(Syktyvkar, Russian Federation)*

e-mail: krasheninnikova@rambler.ru

Abstract. The article analyzes the concept of the “path-road” in Russian wedding speeches. The work uses published and archival materials from the 19th — late 20th centuries, which poetically embody the idea of the road and the movement of wedding participants. The content of the speeches reflects the attitude to the road characteristic of Russian traditional culture as a whole, the perception of the road as a locus of danger, scary and unclean. The path-road of the wedding train is interpreted in the speeches as a journey to another world. As a rule, a description of the road is constructed by combining a formula for movement and a list of spatial objects, which are divided into several semantic and thematic groups (forest, mountain, swamp, water, cosmological, plant and animal element groups, as well as groups of elements with the meaning of ‘vast, endless, boundless space’ and with the meaning of ‘populated areas, developed, inhabited space’). In mythopoetic representations, these landscape elements for the most part mark a foreign, dangerous space; in texts, they are used with epithets that form its qualitative characteristics (frequent: steep, high, dark, dense, swampy, long, clean). The idea of danger is enhanced by including in the description elements of the plant and animal worlds, which give the narrative additional expressiveness and emotionality. Being in the space of the road is associated with danger for travelers and is presented as a test; in poetic texts, this usually means a deterioration in physical condition, suffering material damage (the themes of freezing or hyperthermia, loss of voice, hunger, torn clothes and lost crosses are realized). The analyzed descriptions combine the ideas about the road as a dangerous, unclean, risky locus and the ideas about that part of the life path of the ritual’s participants that is associated with the process of their status transformation.

Keywords: Russian wedding ritual, wedding speech, folk world picture, way, road

Acknowledgments. The work was carried out as part of a planned research topic (No. 121051400044-2).

For citation: Krashenninnikova Yu. A. The Concept of “Path-Road” in Russian Wedding Speeches. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2025, vol. 23, no. 3, pp. 7–34. DOI: 10.15393/j9.art.2025.15522. EDN: FGSFQD (In Russ.)

Настоящая работа посвящена описанию *пути-дороги* и представлениям о пути и дороге, которые нашли воплощение в русских свадебных приговорах. Как и многие другие фрагменты мифопоэтической картины мира, представления о пути-дороге формируются набором признаков, анализ конкретных реализаций которых в различных фольклорных жанрах «способствует установлению парадигматики различных признаков, <...> а также позволяет поэlementно соотнести систему представлений, свойственную одному жанру, с представлениями, релевантными иным жанровым структурам» [Невская, 1982: 106].

Работа строится на анализе текстов свадебных приговоров, в которых нашли поэтическое воплощение представления о дороге и особенностях дорожного поведения участников свадьбы¹. В работе использованы опубликованные и архивные записи фольклорных текстов, сделанные в XIX — конце XX в. в разных регионах России, что, с одной стороны, позволяет описать инвариантную схему мотива в интересующем нас жанре, с другой — показать вариации «отступления» от схемы в некоторых локальных традициях.

В свадебных приговорах «путь-дорога» свадебного поезда является одним из сюжетобrazующих, детально разработанных фрагментов, репрезентирующих традиционные представления. В содержании приговоров отражено отношение к дороге, характерное для русской традиционной культуры в целом: дорога — это «оппозиция дому, в рамках соотнесения подвижного и оседлого бытия», «сфера небытия» опасный локус и «в целом считается страшным местом» [Щепанская: 25, 164, 252]. Дорога свадебного поезда — это путешествие

¹ Нам уже приходилось бегло касаться этой темы, см.: [Крашенинникова, 2005].

в иной мир²; это и путь жениха за невестой, после получения которой происходит изменение его статуса холостого человека³. В текстах описание пути-дороги формируется элементами пространственного кода, многие из которых в мифопоэтических представлениях являются маркерами чужого пространства.

Особый статус пути подтверждается выбором времени для отправления поезда за невестой. В экспедиционных материалах имеются свидетельства, в которых информанты подчеркивают строго регламентированное обрядом время отправления поезда за невестой; оно приходится, как правило, на вечерний или ночной период суток: «А дружки-те были, вот когда идут за невестой-то **вечером, ночью**. У невесты-то приедут **вечером, и ночь** пили еще» (ИЯЛИ: 1702-46, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996), «За невестой едет жених с родней со своей, **вечером** едет, к **ночи**. **Ночь** сидят с невестой, а остальные гуляют. Утром поедут к жениху пировать...» (ИЯЛИ: 1703-27, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996), «[Дружки] вот когда идут за девкой, за невестой, **вечером**, они чего-то читали» (ИЯЛИ: 1706-84, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996).

В приговорах поездка поезжан за невестой называется по преимуществу парным сочетанием *путь-дорога*, а также лексемами *путь* и *дорога*, которые образуют следующие сочетания: *путь* торить, держать, верстать; *дорогу* давать, спрашивать, делить, *дорогой* ехать; *путь-дорогу* устилать, наставлять, править, верстать, *путем-дорогой* ехать. Лексема *дорога* как в парном сочетании, так и самостоятельно может употребляться в форме диминутива (путь-дороженька). *Путь-дорога* в поэтических текстах характеризуется эпитетами «чужой», «дальний», «долгий» («чужая дальна сторонушка», «долга путь-дорога» и др.), конечная точка путешествия находится «далеко-далече». Эпитеты «большой», «гладкий», «широкий», которые описывают путь следования поезда как ровный, без затруднений и препятствий, встречаются в единичных фольклорных текстах. Например: «...едет наш

² Ср.: «Тема дороги неотделима от представлений об отдаленности вообще...» [Невская, 1980: 230], «пребывание в дороге подразумевало смертельную опасность» [Щепанская: 41].

³ Об «инициационной нагрузке» свадьбы восточных славян см.: [Байбурин, 1993: 65 и след.].

честный княжеский поезд гладкою дорогою, улицую широкою в ваш честный дом за княгиней молодой» (РСП: 123, Вологодский у. Вологодской губ., 1924⁴).

О. А. Черепанова, обращаясь к описанию концептов *путь* и *дорога* в русской ментальности и древних текстах, отметила, что лексема *путь* «активна и семантически наполнена уже в древнейших текстах», а лексема *дорога* «становится заметной» в текстах с XIV–XV вв. В текстах XI–XVII вв. лексема *путь* по своему семантическому объему значительно превосходит лексему *дорога*, которая «употребляется лишь в основном номинативном значении "пространство, по которому совершается перемещение" и, как правило, с уточняющими распространителями» [Черепанова: 313]. Исследовательница указала на резкое концептуальное и семантическое сближение лексем в последние два столетия, что выразилось «в "перетекании" семантического содержания лексемы П (путь. — Ю. К.) в семантическое пространство лексемы Д (дорога. — Ю. К.)» [Черепанова: 315]. Говоря о концептуальной близости понятий и лексем *путь* и *дорога* в современном сознании, О. А. Черепанова заключает, что историческое их развитие «привело к тому, что в славянской культурной традиции символика пути связана с христианско-религиозным взглядом на мир, символика дороги — с языческим мировоззрением и мироощущением» [Черепанова: 316].

Одно из значений выражения *путь-дорога* — это пожелание счастливого пути или приветствие при встрече (Ушаков: стлб. 1080). В. А. Коршунков, анализируя напутствия и приветствия в дорожной культуре русских, отмечает, что приветствия «Путь-дорога!», «Путь да дорога!», «Путём-дорога!» были нередки в XIX в. в обиходе жителей Архангельской, Вологодской губерний, на Урале и расценивались как благопожелание [Коршунков: 28]. В этом контексте преимущественное использование в приговорах сочетания *путь-дорога* приобретает

⁴ Цитирование фольклорных текстов осуществляется по изданию «Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX — первой трети XX в.» (в тексте и ссылках: РСП с указанием страницы, места и года записи текста).

дополнительный смысл: из этнографических и очерковых описаний обряда известно, что приговоры с мотивом дороги произносятся в доме жениха перед отправлением за невестой (ситуация «проговаривание наперед» как своеобразное заклинание хорошего, удачного пути) или в момент приезда свадебного поезда в дом невесты (ситуация «воспоминание об опасном пути»). В указаниях современных исполнителей также зафиксированы сведения, что дружка «заводит свою фантазию» (начинает произносить приговор с мотивом дороги. — Ю. К.), еще не доехав до невесты, т. е. в момент реального пути (ИЯЛИ: 1703-34, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996). Таким образом, именно в приговорах, а не в реальности путь свадебного поезда предстает как далекий, опасный, пространство невесты — труднодоступное, соотносимое с иным миром, а жених и поезжане «обрекаются» на заведомо удачное завершение своего путешествия.

В свадебных приговорах, записанных в разных локальных традициях, описание *пути-дороги* реализуется чаще всего по модели: формула движения «Мы ехали (вар.: ехали-попоехали, нам ехать) (по, через)» + перечень пространственных объектов, которые встречаются на пути поезжан, например: «*Мы ехали чистыми путями, зелеными лугами, наволочными местами, дремучими лесами, грязи топучие, ручьи рябиновы, мосты калиновы, озера тихие, реки быстрые, моря чистые*» (РСП: 384, Шенкурский у. Архангельской губ., 1854). Эта модель — ядро мотива, регулярный элемент, формирующий изображение дороги в значительном количестве известных нам текстов, и одна из показательных констант жанра свадебных приговоров.

Пространственные элементы, задействованные в описаниях, распределяются на несколько семантико-тематических групп: лесная, горная, болотная, водная, космологическая, растительная, зоо-орнитоморфная, также группа элементов со значением 'обширное, бесконечное, необозримое пространство' и со значением 'населенные пункты, освоенное, обжитое пространство'.

- «Лесная» группа (лес, бор, волок): леса **темные**⁵, **дремучие**; боры **частые**, **темные**, **сухие**; волока **долгие**, **дремучие** (един.). В единственном числе употребляются волок долгий (един.), лес зеленый (един.).
- «Горная» группа (гора): горы **крутые**, **высокие**, **сионские**; угор (един.).
- «Болотная» группа (болото, грязи): болота **зыбучие**, **топучие**, **грязные** (един.); грязи **черные**, **топучие**; воды вязучие (един.).
- «Водная» группа (река, ручей, озеро, море): реки (вар.: речки) **быстрые**, **глубокие**, **мелки**; ручьи **рябиновые**, **глубокие** (един.); озера **тихие**, **глубокие**, **светлые** (един.); моря **синие**, **глубокие**, **чистые** (един.).
- Объекты, связанные с освоенным человеком пространством: города **уездные**; деревни **большие**, **долгие**, **мелкие**; переулки **узкие**; села (един.), слободы (един.), проселки-деревни (един.), улки (един.).
- Группа элементов, подчеркивающих открытость, бесконечность, необозримость пространства: поля **чистые**, **широкие**; луга **зеленые**, **шелковы** (един.); **травы шелковые**; дороги далекие (един.), широкие (един.), большие (един.); словосочетания **дивные места**, **далекая далица**, **широкое раздолье**, **заповедные луга** отмечены по одному разу.
- Группа климатических, космологических элементов: снега **белые**; звезды (вар.: звездочки) **частые**, **мелкие**; солнце (вар.: солнышко) **красное**; месяц **светлый**, **младый** (един.), **ясный** (един.); облака **кудрявые** (един.), **ходячие** (един.), **темные** (един.), **черные** (един.); небо **синее** (един.).
- Группа элементов растительного мира: кусты **раkitовые**, древо **зелено-кудряво**, кипарис, дуб **огромный**.
- Группа элементов животного мира: медвежье логово=медведь (един.), зверье (един.), черные враны (един.).

К «водной» и «болотной» группам также отнесем лексемы, по своим значениям связанные с водой, характеризующиеся

⁵ Мы не делали своей целью показать количественные данные употребления тех или иных эпитетов; вместе с тем здесь и ниже жирным курсивом выделяем часто встречающиеся и наиболее популярные эпитеты и словосочетания, курсивом — отмеченные в двух вариантах, пометой (един.) — зафиксированные единожды.

топкостью, влажностью: мырки-нырки, веретейки, доли **широкие**, ливы тонучие (един.), овраги глубокие (един.), яры крутые (един.), места **поволочные** (вар. *наволочные*), тербы зыбучие (един.), мхи дыбучие (един.)⁶. К «лесной» группе можем отнести сочетание черные тропы (един.), для характеристики необитаемого, безжизненного пространства служат сочетания пустыни⁷ песчаные (един.), пески сыпучие (един.).

Не всегда перечень объектов, встречающихся на пути поезда, бывает развернут: зачастую в экспедиционных материалах конца XX — начала XXI в. он может состоять из двух словосочетаний: *«Ехали-попоехали / По чистым полям, / По зеленым лугам, / К дому приехали, к невесте»* (ИЯЛИ: 1701-57, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996) — или парной конструкции, члены которой утратили эпитеты: *«Ехали-попоехали лесами-полями / И доехали, где наша суженая живет»* (ИЯЛИ: 1702-29, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996). Но при этом значение пути-дороги как путешествия, долгого по продолжительности, сохраняется благодаря конструкциям с глаголами несовершенного вида прошедшего времени и употреблению пространственных элементов во множественном числе.

В единичных вариантах изображение протяженной по времени поездки реализуется через констатацию смены дня и ночи (*«Мы ехали день до вечера, / Ночь до утра ясного...»*

⁶ От *веретей* — возвышенное сухое место на низменности: среди болот и сырых мест в лесу, на берегу реки и т. п. <...> Возвышенное сухое место на болоте (СРНГ; вып. 4: 138, 139); *долина* — удлинённая впадина между горами или холмами; ровное береговое пространство вдоль реки (Ефремова; т. 1: 405); *лива* — низкое топкое, заливаемое водой место <...> низина, покрытая водой <...> низкое место на равнине <...> лужа (СРНГ; вып. 17: 41); *овраг* — глубокая, длинная впадина на поверхности земли, рывина от действия талых вод, ливней (Ефремова; т. 1: 1104); низкое заболоченное место; топкая низина (СРНГ; вып. 22: 302); *яр* — крутой обрывистый берег реки, озера, склон оврага; обрыв (Ефремова; т. 2: 1079); от *волоок* — участок между двумя судоходными реками, через который в старину перетаскивали судно для продолжения пути (Ожегов: 81); от *тереба* (?) — болотистое, окруженное лесом место. Онеж. (Подвысоцкий: 172); *дыбучий* — зыбучий, топкий. Арх., 1885. Печор. (СРНГ; вып. 8: 290).

⁷ *Пустыня* — обширное, обычно безводное, пространство со скудной растительностью или вообще без нее; *перен. разг.* простирающееся на большое расстояние безлюдное, необитаемое пространство (Ефремова; т. 2: 407); вообще безлюдное место (Ушаков: стлб. 1075).

(Колобов: 58, Пудожский у. Олонецкой губ.)⁸ или времен года («Мы ехали, сватушко, путем-дорогою, приняли голоду и холоду, стужи и морозу, тепла и жары...» (РСП: 130, Нерехтский у. Костромской губ., 1853)). Дальность поездки за невестой передается посредством формул, характеризующих движение коня жениха или коней всего поезда по вертикали («*выше лесу стоячего, пониже облачка ходячего*») и горизонтали («[скакал конь] *с горы на гору, с холмы на холму*») — эти формулы также обнаруживают варианты в былинных и сказочных текстах⁹. Передвижение коней поезжан сравнивается с полетом птиц: «*Наши кони фыркали-храпели, / С горы на гору как птицы летели*» (ФК: 1358-8, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1959).

Качественные характеристики пространства, в которое попадает свадебный поезд, — мрачность, беспросветность, труднопроходимость, непроницаемость, топкость, зыбкость, вязкость, безжизненность, необозримость, бесконечность, удаленность — подчеркиваются с помощью эпитетов *темный, дремучий, сухой* (для элементов «лесной» группы: лес, бор, волок), *зыбучий, топучий* (для элементов «водной» и «болотной» групп: море, ручей, озеро, болото), *широкий* (дорога, раздолье, дол, поле), *длинный, долгий, далекий* (деревня, волок, мост). Эпитеты *крутой* (гора, берег, яр), *высокий* (гора), *глубокий* (море, ручей, озеро) поддерживают идею чередования спусков и подъемов, причем часто спуски связаны с обрывом, пропастью (актуализируется в сочетаниях «крутые берега», «крутые

⁸ Описание отмечено в олонецких вариантах: возможно, появление его обусловлено влиянием развитой в Олонецкой губернии былинной традиции — в былинах долгий путь героя передается также описанием смены дня и ночи или нескольких суток, например: «Как день он едет до вечера, / Темну ноченьку да он до утра, / И второй он день едет до вечера, / Темну ноченьку он до утра...» (Былины: 38).

⁹ Так, в волшебных сказках конь главного героя «осержается, от земли подымается *выше лесу стоячего, что пониже облака ходячего*, доли и горы между ног пускает, великие реки хвостом устилает, из ушей своих выпускает густой дым, а из ноздрей пускает пламя великое» (Афанасьев: 133–134), в былине богатырский конь «осержается, / Прочь от земли отделяется, / Он и скачет выше дерева стоячего, / Чуть пониже облака ходячего» (Былины: 108), «С горы на гору стал перескакивать, / С холмы на холму стал перемахивать, / Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал» (Афанасьев: 114).

яры», «горы-долы» и др.). Колористические характеристики *черный, темный, синий* имплицитно поддерживают идею чужести, опасности, иномирности окружающего поезд пространства, поскольку эти цветообозначения в народной культуре связаны с проявлением потустороннего, демонического, нечистого. Крестьянские поселения, должны характеризовать местность как заселенную, обжитую, не имеют «имени»; в текстах они употребляются вместе с теми ландшафтными объектами, которые относятся к неосвоенному человеком пространству, страшному, опасному и нечистому.

Интерес представляют манифестации, которые строятся при сочетании универсальной константы *пути-дороги* и локальных/региональных описаний. Так, длительность путешествия подчеркивается благодаря включению развернутых изображений отдельных пространственных элементов. Таков, например, образ «долгого волока», длина которого измеряется количеством деревьев («*волок долог, 77 елок*», «*волок-от не долог: 77 елок, 77 берез*») или верст (менее популярная версия: «*волок в семьдесят верст долог*»)¹⁰. Проезд по «долгому волоку» связан с потерей и получением свадебщиками ущерба — поезжане теряют «шапки да махалки», сватья жениха падает с «санок строченых» и приобретает увечье:

*«Ваш волок
Показался нам долог,
Нырки да извалки
Растеряли шапки да махалки.
<...>
У свахоньки ямищечек,
Сколь был не аккуратен
И всем натурален,
Его лошади под гору нудились
И свахоньку извалили.
Свахонька извалилась,
Правой ручкой за санки схватилась,*

¹⁰ Образ волока отмечен в приговорах из Вятской и Пермской губерний, а также экспедиционных материалах последней трети XX — начала XXI в. из Вилегодского р-на Архангельской обл., г. Глазова Удмуртии (бывш. Вятская губ.), Мурашинского, Котельнического, Подосиновского р-ов Кировской обл., Нижегородской обл. (подробней см.: РСП: 318–319).

*Всю гороньку тащицась,
Ножку слощила»*

(Суслов: 2, Малмыжский у. Вятской губ.)¹¹.

Элементы растительной группы отмечены в текстах отдельных локальных традиций: *зелено-кудряво древо, кипарис, огромный дуб* — в записях вологодской территории; *ракитовые кусты* — преимущественно в приговорах разных уездов Костромского края (Андроников, 1905: 58; Виноградов: 96, 105, 108; Дементьев: 105; Киреевский: 78, 80), редко — Пермской (Аргентов, 1925: 17, Оханский у.) и Архангельской губ. (Ефименко: 83, 86, Пинежский у.). Т. А. Агапкина, рассматривая символику деревьев рода *Salix* (вербы, ивы, ракиты), отмечает, что в целом в традиционной культуре концепт вербы представлен разнонаправленными и противоречащими друг другу значениями [Агапкина, 2014: 297]. В частности, говоря об устойчивой связи вербы с водой, она приводит мнение Л. Раденковича о вербе как «дереве-медиаторе, дереве, растущем на границе "того" и "этого" миров» ([Раденковић: 205]; цит. по: [Агапкина, 2014: 295]). В нашем тексте поезжане теряют в ракитовых кустах нателные кресты, а крест является «одним из средств актуализации символов "дома"», оберегом, к защитной силе которого «путник обращался в ситуации встречи или опасности» [Щепанская: 229]. Другими словами, потеря крестов интерпретируется как потеря защиты «своего» дома:

*«Свахонька,
Вот мы ехали чистым полям,
Зеленым лугам,
Ракитовым кустам;
Ракитовы кусты задевали —
С нас кресты поскидовали»*

(РСП: 162–163, Галичский у. Костромской губ., 1929).

¹¹ *Слощить* — содрать кожу с чего-л. (СРНГ; вып. 38: 306). Поэтическое описание подтверждается этнографическими фактами. Исследователи, описывающие вятскую свадьбу в Марий Эл, замечают: «Возницы обычно сильно гнали лошадей, случалось, и людей теряли. Замечали: если повозки обернутся, молодым вместе долго не жить» (Золотова, Иванова, Шестакова: 62).

Идея опасности усиливается за счет включения в описание пространства образов животного мира — это единичные, но весьма показательные примеры. Так, в записи из Вилегодского района Архангельской области заблудившийся в темном лесу свадебный поезд попадает в медвежье логово: *«Ехали по полям, по лугам, / По зеленым лугам, / Заехали в темной лес, / В медвежье логово, / Дорогу потеряли»* (ИЯЛИ: 1703-48, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996). С другой стороны, встреча с медведем может трактоваться как предвестник удачного завершения поездки: А. В. Гура со ссылкой на сборник «Пословицы русского народа» В. И. Даля отмечает, что у русских случайная встреча с медведем в дороге служит добрым предзнаменованием и сулит путнику удачу [Гура: 171]¹². В записи из Костромской губернии тема опасности усиливается с помощью образа «зверья», нападающего на поезд, от которого поезжане защищаются тарелочками (необходимыми ритуальными предметами — на них преподносят невесте подарки от жениха):

*«Ехали мы темными лесами,
Зелеными лугами,
Чистыми полями,
Ракитовыми кустами,
Буйны ветры раздували,
На нас зверье тут напали,
Мы все стрелочки,
Все тарелочки
В них пораскидали»*

(Виноградов: 108, Костромской у.)¹³.

¹² Кроме того, медведь в народных представлениях наделен символикой плодородия и плодovitости, здоровья и силы, ему приписывают способность устрашать нечистую силу и отвращать порчу. Брачная символика медведя наиболее характерна для восточных славян и представлена в свадебном обряде, любовной магии [Гура: 167–177], см. также мнение Б. А. Успенского о специальной роли медведя как покровителя свадеб [Успенский: 102].

¹³ Образ «зверья» может быть рассмотрен и в метафорическом плане — это жители деревень, через которые лежит путь свадебного поезда к невесте и в церковь. Из этнографических описаний известно, что молодежь перекрывала дорогу (устроивала «залом») — преграждала путь поезду с помощью перевернутых полозьями вверх дровней, после получения угощения залом убирала и поезд пропускали (РГО. Р. 24. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 149, Боровичский у. Новгородской губ., 1895).

«Золотые тарелочки» поезжане также разбивают в дороге, проезжая по *длинным* (вар.: *калиновым*) *мостам*: «*Мы ехали по длинным мостам, / Моста подломились, / И тарелочки разбились*» (ИЯЛИ: 1704-107, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996)¹⁴.

Посредством включения образа «черных вранов» с указанием поведенческих характеристик этих птиц подчеркивается идея враждебности окружающей природы: «*У меня есть в чистом поле, в широком раздолье, стоит там храбрый поезд под красным сукном, под белым полотном. Черные враны летают, хотят мой поезд расклевать*» (Иорданский: 109, Ветлужский у. Костромской губ.). Негативная семантика углубляется за счет ассоциативной связи образа черного ворона со смертью и миром мертвых; в народных представлениях ворон — зловещая птица, отличается хищностью, кровожадностью, склонностью к кровопролитию, разбоем и краже [Гура: 530–542].

Объекты ландшафта, которые проезжает свадебный поезд, не имеют имен и названий, окружающее поезжан пространство безымянно. В этом контексте представляют интерес единичные включения в описание пути-дороги реальных топонимов и гидронимов (*река Молога, Нева-река, город Иерусалим*). Предполагаем, что гидроним *река Молога* в тексте из д. Нелидово Гридинской волости Костромской губернии усиливает мифологическую составляющую повествования, хотя река Молога протекает в том числе и по пограничной с Костромским краем территории¹⁵. Допускаем, что появление этого гидронима обусловлено также рифмой (доро́гой — Мологой):

¹⁴ В народных представлениях *мост* — сооружение и локус, которые «соединяют земное и потустороннее пространство; место контактов человека с мифическими существами; один из наиболее опасных и ответственных участков пути. Переход по мосту осмысливается как преодоление границы между мирами», означает переход человека в новое состояние, перемену статуса [Виноградова: 303, 304].

¹⁵ Молога (река и район) в сознании коренных жителей находится далеко от Костромы (см. фрагмент из письма д. филол. н., профессора Костромского гос. университета Н. С. Ганцовой от 5 июня 2025 г., адресованного автору: «...Мологский район сейчас затоплен. От нас он очень далеко...»).

*«Сватушки и свяхоньки,
Все гости приезжие!
Вы ехали путем-дорогой,
Рекой Мологой, чистым полям,
Зеленым лугам, под черным облакам,
Под мелким звездам,
Под светлым месяцем»*

(РСП: 487, Костромской у. Костромской губ., 1903).

В записи 1899 г. из Макарьевского у. Нижегородской губ. дружка, озвучивая «отчет о своей поездке» родителям жениха, рассказывает о том, как поезжане, посланные за «красной девицей», приехали к Неве-реке, на которой «нет ни перевозу, ни моста — стоит одна горькая осина», срубили «горькую осину», из нее сделали «легку лодочку» и «красныя весёлки» и поплыли по Неве-реке. Сломав «красныя весёлки», причалили к бережку, в теремочке обнаружили сидевшую у окна «красну девочку», угостились у нее хлебом-солью и поехали в город Ерусалим, где «красну девицу сделали молодой молодичой» (РСП: 411–412). Редкий сюжет, в котором обыгрываются главные темы свадебных приговоров: «дальняя дорога за невестой — дорога в иной мир» с образом водной переправы¹⁶, «поиск невесты» с образом «сидящей у окна девушки»¹⁷. В этом приговоре Нева-река — не реальный гидрологический объект¹⁸, а локус «иного» мира, чужого мифологического водного пространства, по которому поезжане добираются до невесты. Обращает на себя внимание средство достижения конечного пункта путешествия — «легка лодочка», сделанная из «горькой осины» — с утилитарной точки зрения дерева бесполезного,

¹⁶ Мотив преодоления водной преграды символизирует заключение брака [Плотникова: 13]; переход через воду часто служит метафорой обретения нового статуса, на что указывает В. Я. Пропп [Пропп: 202].

¹⁷ Ситуация «сидеть под окном» связана с брачными мотивами, в более специальных контекстах — в свадебных песнях — трактуется как «быть невестой» [Байбурин, 2005: 169].

¹⁸ Т. Г. Иванова, рассматривая функционирование гидронима *Нева* в былинах, называет его периферийным, редким для песенно-эпического пространства, поздним и отмечает в классических былинных текстах две составляющих в семантике названия: реально-географическую и мифологическую. Актуализация последней в образе Невы происходит при разложении эпической традиции [Иванова].

не годного для строительства, поскольку обладает мягкой и слабой древесиной [Агапкина, 2019: 228]. В восточнославянском фольклоре осина «отягощена большим количеством негативных ассоциаций», в числе которых «неудачное замужество, женское одиночество и несправедливость» [Агапкина, 2019: 241, 257]. Предметы, сделанные из осины, «получают негативную оценку по причине их низкого качества»: в частности, в русских свадебных причитаниях осиновая утварь предназначается сватам [Агапкина, 2019: 251–252], обвинившаяся вокруг осины алая лента невесты — «девья красота» — предсказывает девушке горькое замужество [Колпакова: 258], осина символизирует чужой мир жениха и его семьи [Агапкина, 2019: 254], вероятно, благодаря причитаниям *горькая осина* «проникает» в свадебный приговор.

Агиотопоним *Иерусалим* упоминается в связи с невестой и, как нам думается, в приговоре используется как эквивалент церкви, мыслится как сакральное место, в котором происходит символическая инициация просватанной девушки: «...*И поехали мы в город Ерусалим. / В городе Ерусалиме эту красну девіцу / Сделали молодой молодлицой*» (РСП: 412, Макарьевский у. Нижегородской губ., 1899). Отметим, что в этом фрагменте просватанная девушка «проживает» несколько стадий: *красная девочка* — *красна девіца* — *молодая молодлица*.

В поэтических текстах путешествие свадебного поезда прерывает какое-то событие: как правило, это встреча поезжан с особым персонажем, который указывает верное направление (куница или куний след=невеста¹⁹; чудесные помощники — Николай Угодник или «два старика седатых, два белобородатых» (РСП: 125, Вельский у. Вологодской губ., 1923), или «гуси, лебеди и серые утки», «сидящие на белом озере» (Ордин: 89, Сольвычегодский у. Вологодской губ.)). Так, в текстах севернорусской территории (вологодско-архангельская, редко — пермская, олонецкая) получил разработку мотив «погоня по куньему следу»: поезжане случайно обнаруживают куний след (по другим вариантам: специально его ищут) и, следуя

¹⁹ О женской и брачной символике куницы в свадебном фольклоре восточных славян см.: [Гура: 210–212].

по нему или за куницей, находят дом невесты (см.: [Крашенинникова, 2003: 30–32, карта 4.2]). Сюжет встречи поезжан в дороге с чудесным помощником мы рассматривали ранее [Крашенинникова, 2023: 49–51]. В числе редких отметим текст с мотивом выбора пути, который по вербальной манифестации близок к былинным и сказочным: *«Насилу пробрались по черным тропам, по темным лесам, по грязным болотам. Выехали в чисто поле по той дороге, как нам рассказали, у молодого князя наказали: вправо отвернешь — в сыр бор уйдешь, а влево повернешь — ни пути, ни дороги там нет. Поезжайте прямо, дом княгини издали видать!»* (РСП: 277, Череповецкий у. Новгородской губ., 1899).

В единичных вологодских, вятских, пермских записях обыгрываются прескрипции, предписывающие опасаться встречи в дороге свадебного поезда с животными и людьми, способными расстроить свадьбу или испортить молодых, а также с другим свадебным кортежем или иным транспортным средством. Так, сольвычегодский дружка перед выездом корректировал свое поведение в дороге, спрашивая:

*«Кто на стричу попадет
Или брак с браком съедется,
Как прикажете поступить:
В сторону ехать
Или полудороги давать?»*

На этот вопрос он получал инструкцию от присутствующих: *«Если брак с браком съедется, то полдороги давать, а простому в тыл подавать»* (Ордин: 85, Сольвычегодский у. Вологодской губ.). Перед выездом за невестой пермским дружкам рекомендовали при встрече в дороге *«ни от ково не отворачивать»* (Аргентов, 1940: 176, Оханский у. Пермской губ.), *«стришинова-поперешинова в сторону сбивать»* (Гладких: 58, Красноуфимский у. Пермской губ.), вятским — встречных *«по шее колотить»* (Тронин: 231, Нолинский у. Вятской губ.). Такое агрессивное поведение и неуступчивость свадебщиков объясняется представлениями о свадебном поезде как о «почтенном, священном», которому «даже Царь уступает дорогу»²⁰.

²⁰ О сюжете «Царь, уступающий дорогу свадебному поезду» в очерковой литературе см.: [Коршунков: 364–367].

Запрет, касающийся встречи новобрачных с животными или людьми, способными причинить вред, получает поэтическое воплощение в редкой записи 1920-х гг. из Шадринского у. Пермской губ. Перед выездом за невестой дружка просит благословения у присутствующих и включает в приговор закликательный элемент: «...*Чтобы вражья сила не видела, чтобы глаз лихой не изурочил, чтобы заес долгоухой, чтобы с ведрами молодиса, со чулком красна девиса, с троснисой старая старуха, со славлеными просвирня, со крестом поп долговолосой, по<нрзб.>ник²¹ неумный, зеленоглазая черна кошка дорогу не перешили*» (РСР: 373, Шадринский у. Пермской губ., 1920-е гг.). В цитированном выше фрагменте перечислены представители человеческого и животного мира («заяц долгоухий», «с ведрами молодиса», «с тростницей старая старуха», «с крестом поп долговолосый», «зеленоглазая черная кошка»), встреча с которыми в народных представлениях сулила несчастье, неудачу, являлась плохим предзнаменованием²².

Нахождение в пространстве дороги связано с определенным риском и опасностью для поезжан и представлено как испытание; в поэтических текстах, как правило, это получение ущерба здоровью и, как следствие, ухудшение физического состояния²³. В приговорах реализуется тема замерзания дружки в дороге, у него «пересохло горлышко», «приспотело тело», «замерз язык», [дружку] «*Буйным ветром поддувало, / Меня морозом*

²¹ Возможно, *поклетник*. Полагаем, здесь употребляется в значении 'знахарь, колдун', ср.: *клетник* — сев. знахарь, оберегающий молодых от порчи (Даль, 1995; т. 2: 121).

²² «Если же кошка или собака пробежит посреди новобрачных, то разрознит навек сердца молодых» (РГО. Р. 10. Оп. 1. Ед. хр. 28. Л. 14 об., Вятская губ., 1850). Заяц перебегае дорогу к беде (РГАЛИ. Ф. 1477. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 113, Северная обл., 1937). Встреча с человеком духовного звания «сулит несчастье в пути, служит плохим предзнаменованием» [Левкиевская: 596] (см. также: [Щепанская: 156], ср.: «Поп — недобрая встреча. Поп сквозь каменну стену сглазит» (Даль, 1989; т. 2: 196)). Примета о том, что встретить женщину с пустыми ведрами — к несчастью, потере, отсутствию успеха в деле, настолько устойчива в народной культуре, что В. И. Даль выделил ее как пословицу со значением «Счастье — удача» («Встреча бабы с пустыми ведрами — к неудаче; с полными — к удаче» (Даль, 1989; т. 1: 63)).

²³ Содержательно такие поэтические тексты перекликаются с приговорами, комментирующими переход через порог и вход дружки в дом невесты, см.: [Крашенинникова, 2021: 18–20].

подтыкало. / Глаза слипались, / Губы смерзались» (Ордин: 90, Сольвычегодский у. Вологодской губ.); все поезжане проходят через лишения: *«Мы ехали, сватушко, путем-дорогою, принимали голоду и холоду, стужи и морозу, тепла и жары; <...> в одном горлышке засохло, в другом-то замерзло»* (РСП: 130, Нерехтский у. Костромской губ., 1853), *«мы в дороге презябли, передрогли, переиндевели»* (РСП: 240, Кинешемский у. Костромской губ., 1853); *«С холоду позябают, / С голоду помирают, / Буйным ветром задувает, / Красным солнышком запекает»* (РСП: 404, Макарьевский у. Нижегородской губ., 1899). Описывая состояние оставшихся в дороге поезжан, дружка включает в приговор обращение к отцу невесты с просьбой о защите: *«Не спокиньте нас в поле / На Божью волю (вар.: на Божей воле) / И не заморозьте на чужой стороне»* (Виноградов: 105, Костромской у. Костромской губ.). В единичных записях отмечена тема получения материального ущерба (у дружки рвется одежда): *«Ехал я сюда водой и горой, / Лесом-парусом, / Стал я сюда поближе подыжать, / Стало у моего с коня шерсть драть, / А у меня одежду рвать»* (Бахтина: 122, Повенецкий у. Олонецкой губ., 1926).

Жениха и поезжан, находящихся в поле и ожидающих приглашения в дом невесты, дружка «ограждает» с помощью элементов космоса — эти описания содержательно отсылают к заговорному мотиву «чудесного одевания» с формулой «ограждения космическими реалиями» в характерной для нее манифестации: князь «огородился белым светом», «покрылся (вар.: прикрывшись) небом», «подмостился землей», «подпоясался вечерней зарей», «обтыкался частыми звездами», «опоясался месяцем». Защищающее значение наряду с космическими элементами приобретают исключительно мужские предметы — ружья, стрелы: *«[Князь оставлен] Под светлым месяцем, / Под частым звездочкам, / Ружьями обвешался, / Стрелами обтыкался...»* (Андроников, 1856: 164, Костромской у. Костромской губ.). Идея замыкания пространства вокруг свадебного поезда воплощается с помощью тавтологических сочетаний «звездами озвездиться», «шатрами ошатриться», а эпитеты «красный», «белый» в сочетании *«[поезд стоит] под красным сукном, под белым полотном»* отсылают к элементам заговорной

формулы «ограждения» («красное солнце», «белый свет») (подробнее о реализации мотива «чудесного одевания» в свадебных приговорах см.: [Крашенинникова, 2009: 30–32]). В сибирских записях конца XX в. мотив ограждения жениха только угадывается (жених стоит *под белой березой*), на первый план выступает идея сообщить о приезде жениха и серьезности его намерений:

*«А наш князь молодой остался в чистом поле,
Широком раздолье.
Стоит он на вороних конях, на шелковых коврах,
Под белой березой.
Бьет он гусей-лебедей и серых уток,
Себе кушанье на обед пасет.
А вы, сват и сватушка, на наш обед не надейтесь,
У Бога милости просите, да свой припасите»*
(Русский фольклор Сибири: 59,
Первомайский р-н Алтайского края, 1989).

Несколько слов об элементе «чистое поле»: в нем пребывает ожидающий приглашения рода невесты жених; в нем происходит выбор направления движения поезда (см. выше текст из Череповецкого у. Новгородской губ.) или случается знаковая встреча поезжан²⁴; наконец, в чистом поле стоит дом невесты²⁵. Т. Б. Щепанская, опираясь на наблюдения В. В. Колесова, пишет, что поле — это «полое, пустое пространство; чистое — тоже пустое, никем не занятое, не имеющее хозяина», заключая, что сочетание «чистое поле» — это признак «семиотической невидимости дороги» [Щепанская: 33, 34]. То есть в приговорах *чистое поле* — это один из элементов пути-дороги — опасного, страшного, чужого пространства, и это подтверждается поэтическими текстами. Такая трактовка расходится

²⁴ «Мы ехали чистыми полями, / Зеленými лугами, / Большими деревнями, / Ехали-попоехали, / **В чистое поле** заехали, / В том **чистом поле** / Стоит дерево кипарис, / На том дереве кипарисе / Сидит Николай-Угодник» (ИЯЛИ: 1706–82, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996).

²⁵ «Ехатъ бы нам путем-дорогою, / Чистым полями, / Бельем снегами, / Крутым горами, / Быстрым реками, / Чёрным грязями, / Зеленым лугами, / Шелковым травами / И выехать в **чистое поле**. / В том **чистом поле** стоит новая горница, / Светлая светлица. / В той новой горнице сидит красная девица, / Новобрачная княгиня» (РСП: 238–239, Кинешемский у. Костромской губ., 1853).

с интерпретацией этнографических описаний обряда: в частности, А. К. Байбурин, рассматривая перемещения участников свадьбы, отмечает, что поле, в которое выезжает поезд за границу своей деревни, представляет собой «нейтральную зону» [Байбурин, 1993: 76], где и жених, и невеста оставляют предметы, взятые из родительского дома или связывающие их с прежней, холостой, жизнью.

Дом невесты также воспринимается поезжанами как часть чужого пространства — дом имеет гиперболизированные размеры и находится на крутой (=отвесной, обрывистой) горе («Доехали до крутой горы, / На той крутой горе / Стоит дом как терем, / Изба как город» (ИЯЛИ: 1706-82, Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996)), незнаком поезжанам и неузнаваемыми («Стоит деревня как город, / Дом как терем, / Мы не сами узнали, / Нам люди сказали» (СПб РАН. Ф. 104. Оп. 1. Ед. хр. 89. Л. 87 об., Вологодская губ., 1891)), что провоцирует появление в речи дружки уточняющих вопросов:

*«Ехали-попоехали,
До того места доехали.
Спрашивают:
Та ли деревня,
Да та ли губерня,
Тот ли город,
Да тот ли терем,
Да в том ли городу,
Да в том ли терему
Молодая кнезина живет?»*

(ИЯЛИ: 1705-41а,

Вилегодский р-н Архангельской обл., 1996).

Таким образом, в приговорах описание пути-дороги свадебного поезда является одним из сюжетообразующих, детально разработанных фрагментов, репрезентирующих традиционные представления. В содержании текстов отражено восприятие дороги как локуса опасного, страшного, нечистого, закреплены представления об особенностях дорожного поведения участников свадьбы. Путь-дорога свадебного поезда трактуется приговорами как путешествие в иной мир. Как правило, описание дороги строится при сочетании формулы

движения и ландшафтных объектов, которые распределяются на несколько семантико-тематических групп (лесная, горная, болотная, водная, космологическая, группы элементов растительного и животного миров, также группы элементов со значением 'обширное, бесконечное, необозримое пространство' и со значением 'населенные пункты, освоенное, обжитое пространство'). В мифопоэтических представлениях эти ландшафтные элементы, по большей части, маркируют чужое, опасное пространство; в текстах они употребляются с эпитетами, значения которых в совокупности характеризуют качество пространства, позволяют создать яркий образ окружающей природы (частотные: *крутой, высокий, темный, дремучий, топучий, долгий*). Значение опасного, враждебного, страшного, чужого переносится на некоторые эпитеты (*чистый, тихий*) и словосочетания (например, *чистые поля, зеленые луга*). Идея опасности усиливается за счет включения в описание элементов растительного и животного миров, придающих повествованию дополнительную выразительность и эмоциональность. Нахождение в пространстве дороги связано с опасностью для поезжан и представлено как испытание; в поэтических текстах это передается через констатацию ухудшения физического состояния, получения материального ущерба.

Путь-дорога в свадебных приговорах — образ многомерный, посредством которого характеризуется как процесс перемещения, маршрут, окружающее пространство, так и тот отрезок жизненного пути персонажей ритуала, который связан со сменой их статуса. В описаниях пути-дороги свадебного поезда соединены представления о дороге как опасном, нечистом, полном риска локусе и представления о пути как судьбе персонажей ритуала.

Список сокращений

Архивные источники:

- ИЯЛИ — фольклорный фонд Института языка, литературы и истории Федерального исследовательского центра «Коми научный центр Уральского отделения РАН».
- РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства.
- РГО — Научный архив Русского географического общества.
- СПб РАН — Архив Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал.
- ФК — архив Фольклорной комиссии Союза композиторов Российской Федерации (ранее: Комиссия музыкального и фольклора Союза композиторов РСФСР).

Печатные источники:

- Андроников, 1856* — Андроников П. И. Свадебные обычаи и песни в селе Костенев Костромского уезда // Костромские губернские ведомости. 1856. № 24. С. 163–164.
- Андроников, 1905* — Андроников В. А. Свадебные причитания Костромского края со стороны содержания и формы (Из трудов Тверского областного археологического съезда). Тверь: Тип. губерн. правления, 1905. 62 с.
- Аргентов, 1925* — Аргентов Г. Наговоры дружки на свадьбе // Кунгуро-Красноуфимский край. Кунгур, 1925. № 2. С. 17–19.
- Аргентов, 1940* — Аргентов Г. Наговоры дружки // Уральский современник: литерат.-худож. альманах. Свердловск, 1940. № 3. С. 176–178.
- Афанасьев* — Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 5 т. Алма-Ата: Шарапат, 1992. Т. 5. 160 с.
- Бахтина* — Неизданные материалы экспедиции Б. М. и Ю. М. Соколовых. 1926–1928. По следам Рыбникова и Гильфердинга: в 2 т. М.: ИМЛИ РАН, 2011. Т. 2: Народная драма. Свадебная поэзия. Необрядовая лирика. Частушки. Сказки и несказочная проза. Творчество крестьян / вступ. ст., подгот. текстов, науч. коммент., приложений, справоч. аппарата В. А. Бахтиной. 768 с.
- Былины* — Былины / сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1988. 576 с. (Сер.: Б-ка рус. фольклора; т. 1.)
- Виноградов* — Виноградов Н. Н. Народная свадьба в Костромском уезде // Этнографический сборник. Кострома: Тип. Риттер, 1917. С. 71–152. (Сер.: Труды Костромского научного общества по изучению местного края; вып. 8.)

- Гладких* — Гладких А. Н. Крестьянские свадебные обряды и проч. у жителей села Торговижского, Красноуфимского уезда, Пермской губернии // Труды Пермской губернской ученой архивной комиссии. Пермь: Электротип. «Труд», 1913. Вып. X. С. 1–76.
- Даль*, 1989 — Даль В. И. Пословицы русского народа: в 2 т. М.: Худож. лит., 1989.
- Даль*, 1995 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРА, 1995.
- Дементьев* — Дементьев В. Деревенские свадьбы в Кологривском уезде Костромской губернии (отрывок из путевых заметок) // Москвитянин. 1855. № 7. С. 65–134.
- Ефименко* — Свадебные обряды // Труды Этнографического отдела Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете. М.: Тип. Ф. Б. Миллера, 1877. Кн. 5. Вып. 1: Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии, собранные П. С. Ефименком. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта. С. 74–132. (Сер.: Известия Императорского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии; т. 30.)
- Ефремова* — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: св. 136 000 словар. ст., ок. 250 000 семант. единиц: [в 2 т.]. 2-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., 2001. Т. 1: А — О (1232 с.); Т. 2: П — Я (1088 с.). (Сер.: Б-ка словарей рус. яз.)
- Золотова, Иванова, Шестакова* — Золотова Т. А., Иванова А. А., Шестакова И. Н. Вятская свадьба. Йошкар-Ола: Марийск. гос. ун-т, 2001. 95 с.
- Иорданский* — Иорданский Н. Свадьба в Ветлужском крае // Этнографическое обозрение. 1896. Кн. 31. № 4. С. 107–112.
- Киреевский* — Песни, собранные П. В. Киреевским. Новая серия. М.: О-во любителей рос. словесности при Моск. ун-те, 1911. Вып. 1: Песни обрядовые. 356 с.
- Колобов* — Колобов И. В. Русская свадьба Олонецкой губернии, Пудожского уезда, Корбозерской волости // Живая старина. Пг.: Тип. В. Д. Смирнова, 1915. Вып. 1–2. 1 С. 21–90.
- Ожегов* — Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. 18-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1987. 797 с.
- Ордин* — Ордин Н. Г. Свадьба в подгородних волостях Сольвычегодского уезда // Живая старина. СПб., 1896. Вып. I. С. 51–121.
- Подвысоцкий* — Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / собрал на месте и сост. А. Подвысоцкий. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1885. 198 с.
- РСП* — Русские свадебные приговоры в архивных коллекциях XIX — первой трети XX в. / сост., вступ. ст., подгот. текстов, коммент. Ю. А. Крашенинниковой. М.: Индрик, 2021. 712 с. (Сер.: Традиционная духовная культура славян.)

- Русский фольклор Сибири* — Русский семейно-обрядовый фольклор Сибири и Дальнего Востока: Свадебная поэзия. Похоронная причеть / сост. Р. П. Потанина, Н. В. Леонова, Л. Е. Фетисова. Новосибирск: Наука, 2002. 551 с. (Сер.: Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; т. 22.)
- СРНГ* — Словарь русских народных говоров. Вып. 1–26. Л., 1968–1991; Вып. 27–51. СПб., 1992–2019.
- Суслов* — Суслов И. Из свадебных обрядов Малмыжского уезда // Приложение к Вятским губернским ведомостям. 1901. № 33. С. 1–3.
- Тронин* — Тронин П. Шестой земский участок Нолинского уезда // Календарь и памятная книжка Вятской губернии на 1896 год. Вятка: Губерн. тип., 1895. С. 214–243.
- Ушаков* — Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. проф. Д. Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. Т. 3. 1424 стлб.

Список литературы

1. Агапкина Т. А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: ива, верба, ракита (род *Salix*) // Славянский альманах 2014. М.: Индрик, 2014. Вып. 1–2. С. 283–302. EDN: TILZSX
2. Агапкина Т. А. Деревья в славянской народной традиции: очерки. М.: Индрик, 2019. 656 с. (Сер.: Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.) DOI: 10.31168/91674-523-8. EDN: GAIDXC
3. Байбуurin А. К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов. СПб.: Наука, 1993. 239 с. EDN: QJAZFT
4. Байбуurin А. К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. 2-е изд., испр. М.: Языки славянской культуры, 2005. 224 с. (Сер.: *Studia philologica. Series minor.*) EDN: QAGZNT
5. Виноградова Л. Н. Мост // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) — П (Перепелка). С. 303–307. EDN: QOPVLR
6. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции. М.: Индрик, 1997. 912 с. (Сер.: Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.) EDN: ТОНУМН
7. Иванова Т. Г. Нева в пространстве былин // Современные методы и подходы в изучении традиционной народной культуры: к юбилею Юрия Александровича Новикова. СПб.: Свое издательство, 2018. С. 167–177 [Электронный ресурс]. URL: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Iz%20istorii%20rus.%20folk/V_10/12_Иванова.PDF (10.04.2025). (Сер.: Из истории русской фольклористики; вып. 10.) EDN: DBDESB

8. Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы // Лирика русской свадьбы / подгот. изд. Н. П. Колпаковой. Л.: Наука, 1973. С. 241–264. (Сер.: Лит. памятники.)
9. Коршунков В. А. Скатертью дорога! Русские дорожные обряды, обычаи, поверья. М.: Неолит, 2024. 464 с.
10. Крашенинникова Ю. А. Свадебные приговоры дружки: структурно-семантический, функциональный аспекты жанра: дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2003. 335 с. EDN: NMLJYZ
11. Крашенинникова Ю. А. «Путь-дорога» свадебного поезда (организация универсума в свадебном приговоре дружки) // Славянская традиционная культура и современный мир: сб. мат-лов науч.-практ. конф. (Москва, 22–24 мая 2004 г.) М.: Гос. республ. центр рус. фольклора, 2005. Т. 8. С. 62–75. EDN: UZKSIX
12. Крашенинникова Ю. А. Межжанровые связи в мифопоэтическом содержании фольклорных текстов (свадебные приговоры — заговоры) // Традиционная культура. 2009. № 1 (33). С. 29–39 [Электронный ресурс]. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_16351900_30726754.pdf (10.04.2025). EDN: NTVOAH
13. Крашенинникова Ю. А. Дом и представления о нем в русских свадебных приговорах // Проблемы исторической поэтики. 2021. Т. 19. № 3. С. 7–34 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633631294.pdf (10.04.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9344. EDN: LVYYNF
14. Крашенинникова Ю. А. Агионимы в русских свадебных приговорах // Проблемы исторической поэтики. 2023. Т. 21. № 4. С. 44–62 [Электронный ресурс]. URL: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633631294.pdf (10.04.2025). DOI: 10.15393/j9.art.2023.13162. EDN: JLGKDI
15. Левкиевская Е. Е. Священник // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). С. 594–597. EDN: RDOUUP
16. Невская Л. Г. Семантика дороги и смежных представлений в погребальном обряде // Структура текста / отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 228–239. EDN: WMVCKH
17. Невская Л. Г. Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования — 1981. М.: Наука, 1982. С. 106–120.
18. Плотникова А. А. Переправа через воду // Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Междунар. отношения, 2009. Т. 4: П (Переправа через воду) — С (Сито). С. 11–13. EDN: TGYUNR
19. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. 366 с.

20. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 248 с.
21. Черепанова О. А. Путь и дорога в русской ментальности и в древних текстах // Мастер и народная художественная традиция Русского Севера: доклады III Междунар. науч. конф. «Рябининские чтения — 1999». Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2000. С. 309–316.
22. Щепанская Т. Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М.: Индрик, 2003. 528 с. (Сер.: Традиционная духовная культура славян. Современные исследования.)
23. Раденковић Љ. Символика света у народној магији Јужних Словена. Београд, 1996. 382 с.

References

1. Agapkina T. A. Symbolism of Trees in the Traditional Culture of Slavs: Willow, Pussy-Willow, and Brittle-Willow (the *Salix* Genus). In: *Slavyanskiy al'manakh 2014 [Slavic Almanac 2014]*. Moscow, Indrik Publ., 2014, issue 1–2, pp. 283–302. EDN: TILZSX (In Russ.)
2. Agapkina T. A. *Derev'ya v slavyanskoy narodnoy traditsii: ocherki [Trees in the Traditional Culture of Slavs: the Essays]*. Moscow, Indrik Publ., 2019. 656 p. (Ser.: Traditional Spiritual Culture of the Slavs. Modern Researches.) DOI: 10.31168/91674-523-8. EDN: GAIDXC (In Russ.)
3. Bayburin A. K. *Ritual v traditsionnoy kul'ture: strukturno-semanticheskiy analiz vostochnoslavyanskikh obryadov [Ritual in Traditional Culture: Structural and Semantic Analysis of East Slavic Rites]*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 239 p. EDN: QJAZFT (In Russ.)
4. Bayburin A. K. *Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan [Dwelling in the Rites and Representations of the Eastern Slavs]*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury Publ., 2005. 224 p. (Ser.: Studia Philologica. Series Minor.) EDN: QAGZNT (In Russ.)
5. Vinogradova L. N. Bridge. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh [Slavic Antiquities: the Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2004, vol. 3, pp. 303–307. EDN: QOPVLR (In Russ.)
6. Gura A. V. *Simvolika zhivotnykh v slavyanskoy narodnoy traditsii [Animal Symbolism in the Slavic Folk Tradition]*. Moscow, Indrik Publ., 1997. 912 p. (Ser.: Traditional Spiritual Culture of the Slavs. Modern Researches.) EDN: TOHUMH (In Russ.)
7. Ivanova T. G. Neva in the Epic Space. In: *Sovremennye metody i podkhody v izuchenii traditsionnoy narodnoy kul'tury: k yubileyu Yuriya Aleksandroviicha Novikova [Modern Methods and Approaches in the Study of Traditional Folk Culture: to the Anniversary of Yuri Alexandrovich Novikov]*. St. Petersburg, Svoe izdatel'stvo Publ., 2018, pp. 167–177. Available at: http://lib2.pushkinskijdom.ru/Media/Default/PDF/Iz%20istorii%20rus.%20folk/V_10/12_Ivanova.PDF (accessed on April 10, 2025). (Ser.: From the History of Russian Folklore; issue 10.) EDN: DBDESB (In Russ.)

8. Kolpakova N. P. Lyrics of the Russian Wedding. In: *Lirika russkoy svad'by* [*Lyrics of the Russian Wedding*]. Leningrad, Nauka Publ., 1973, pp. 241–264. (Ser.: Literary Monuments.) (In Russ.)
9. Korshunkov V. A. *Skatert'yu doroga! Russkie dorozhnye obryady, obychai, pover'ya* [*Good Riddance! Russian Road Rites, Customs, Beliefs*]. Moscow, Neolit Publ., 2024. 464 p. (In Russ.)
10. Krasheninnikova Yu. A. *Svadebnye prigovory družki: strukturno-semanticheskiy, funktsional'nyy aspekty zhanra: dis. ... kand. filol. nauk* [*Wedding Speeches and Rhymes of a Groomsman: Structural and Semantic and Functional Aspects of Genre. PhD. philol. sci. diss.*]. Izhevsk, 2003. 335 p. EDN: NMLJYZ (In Russ.)
11. Krasheninnikova Yu. A. “The Way-Road” of the Wedding Train (Organizing the Universe in the Wedding Speeches of a Groomsman). In: *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyy mir: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferentsii (Moskva, 22–24 maya 2004 goda)* [*Slavic Traditional Culture and the Modern World: Collection of Materials of the Scientific-Practical Conference (Moscow, May 22–24, 2004)*]. Moscow, Gosudarstvennyy respublikanskiy tsentr russkogo fol'klora Publ., 2005, vol. 8, pp. 62–75. EDN: UZKSIX (In Russ.)
12. Krasheninnikova Yu. A. Inter-Genre Relations in the Mythopoetic Content of Folklore Texts (Wedding Speeches — Spells). In: *Traditsionnaya kul'tura* [*Traditional Culture*], 2009, no. 1 (33), pp. 29–39. Available at: https://elibrary.ru/download/elibrary_16351900_30726754.pdf (accessed on April 10, 2025). EDN: NTVOAH (In Russ.)
13. Krasheninnikova Yu. A. A House and Notions of It in Russian Folk Wedding Speeches. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2021, vol. 19, no. 3, pp. 7–34. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1633631294.pdf (accessed on April 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2021.9344. EDN: LVYYNF (In Russ.)
14. Krasheninnikova Yu. A. Holy Names in Russian Wedding Speeches. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [*The Problems of Historical Poetics*], 2023, vol. 21, no. 4, pp. 44–62. Available at: https://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1700655214.pdf (accessed on April 10, 2025). DOI: 10.15393/j9.art.2023.13162. EDN: JLGKDI (In Russ.)
15. Levkievskaya E. E. Priest. In: *Slavyanskie drevnosti: etnolingvisticheskiy slovar': v 5 tomakh* [*Slavic Antiquities: the Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols*]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, vol. 4, pp. 594–597. EDN: RDOUUP (In Russ.)
16. Nevskaya L. G. The Semantics of the Road and Corresponding Notions in the Funeral Rite. In: *Struktura teksta* [*Text Structure*]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 228–239. EDN: WMVCKH (In Russ.)
17. Nevskaya L. G. The Semantics of House and Related Understanding in Funeral Folklore. In: *Balto-slavyanskie issledovaniya — 1981* [*Balto-Slavic Studies — 1981*]. Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 106–120. (In Russ.)

18. Plotnikova A. A. Water Crossing. In: *Slavyanskije drevnosti: etnolingvisti-cheskiy slovar': v 5 tomakh* [Slavic Antiquities: the Ethnolinguistic Dictionary: in 5 Vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., 2009, vol. 4, pp. 11–13. EDN: TGYUNR (In Russ.)
19. Propp V. Ya. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of the Magic Fairytale]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1986. 366 p. (In Russ.)
20. Uspenskiy B. A. *Filologicheskie razyskaniya v oblasti slavyanskikh drevnos-tyey* [Philological Searches in the Field of Slavic Antiquities]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1982. 248 p. (In Russ.)
21. Cherepanova O. A. The Way and the Road in the Russian Mentality and in Ancient Texts. In: *Master i narodnaya khudozhestvennaya traditsiya Russkogo Severa: doklady III Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii "Ryabininskie chteniya — 1999"* [The Master and the Folk Art Tradition of the Russian North: Reports of the 3rd International Scientific Conference "Ryabinin Readings — 1999"]. Petrozavodsk, The Karelian Research Centre of RAS Publ., 2000, pp. 309–316. (In Russ.)
22. Shchepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX–XX vv.* [Culture of the Road in the Russian Mythological Tradition of the 19th — 20th Centuries]. Moscow, Indrik Publ., 2003. 528 p. (Ser.: Traditional Spiritual Culture of the Slavs. Modern Researches.) (In Russ.)
23. Radenković L. J. *Simbolika sveta u narodnoj magii Juzhnikh Slovena* [World Symbolics in the Folk Magic of the South Slavs]. Belgrade, 1996. 382 p. (In Serbian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Крашенинникова Юлия Андреевна *Yulia A. Krasheninnikova*, PhD кандидат филологических наук, ве- (Philology), Lead Researcher, Head дущий научный сотрудник, зав. сек- of Folklore Department of the Insti- тором фольклора Института языка, тute of Language, Literature and литературы и истории, Коми научный History, Komi Science Center of Ural центр Уральского отделения, Россий- Division, Russian Academy of Scien- ская академия наук (ул. Коммунисти- ces (ul. Kommunisticheskaya 26, Syktyvkar, 167982, Russian Federa- ческая, 26, г. Сыктывкар, Российская tion); ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2045-4486>; e-mail: krasheninnikova@rambler.ru. krasheninnikova@rambler.ru.

Поступила в редакцию / Received 05.06.2025

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 25.07.2025

Принята к публикации / Accepted 01.08.2025

Дата публикации / Date of publication 08.09.2025